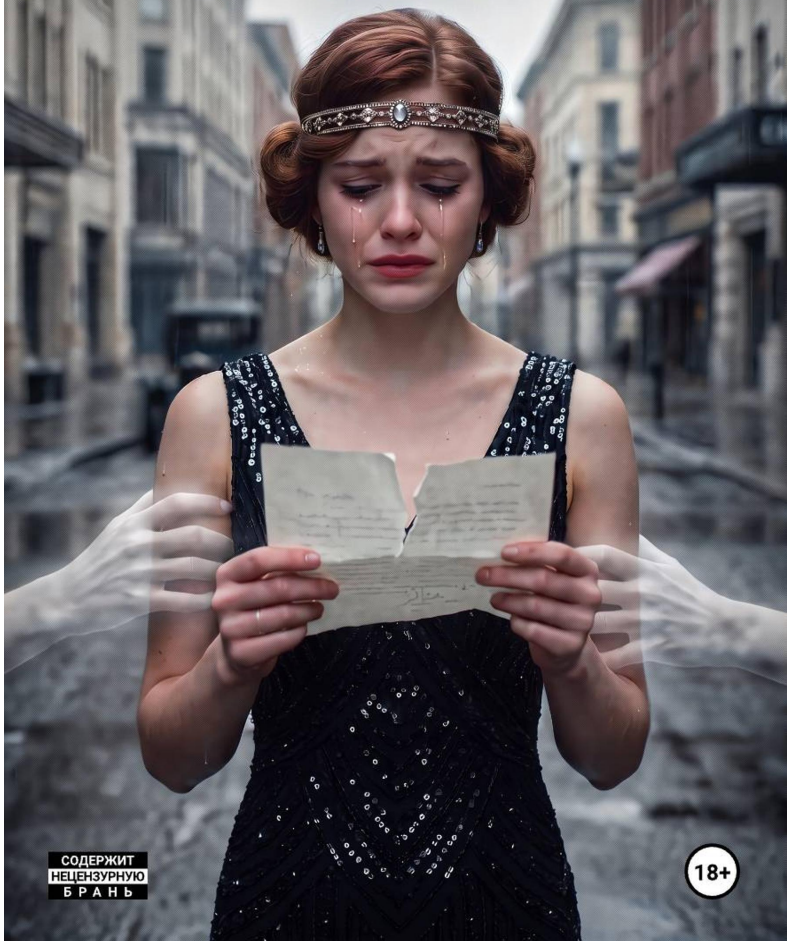

Последний удар гонга

Rayna Writes

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Rayna Writes

Последний удар гонга

<https://litres.ru/74658959>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Что в твоём понимании идеальная семья? Когда на публике муж хвалит жену и называет её своей красавицей?

Я подкуриваю сигарету, наплевав на закрытое окно, и опускаюсь на потёртый деревянный стул.

— Нет, сукин сын. Идеальная семья — это когда жена приходит домой и не застаёт мужа с очередной шлюхой в их же постели.

В работе два альтернативных финала (последние две главы). Историческое АУ, 20-е годы

Повествование ведётся от первого лица, с переключением между героями.

Содержание

Нокаут	4
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Rayna Writes

Последний удар гонга

Нокаут

Мы словно лодки пытаемся пробиться в настоящее, но нас безжалостно относит в прошлое...

(Великий Гэтсби)

Рон

Сегодня точно будет хороший день. Смотрю на себя в зеркало и провожу руками по красным смазанным гелем волосам. На высушенном перед боем теле нет ни грамма жира. Как говорит моя жена Гермiona — идеален во всём: внешность, профессионализм, юмор, секс. Всегда смеётся, что отхватила лакомый кусочек у жизни. Обожаю ее. Невероятно красива, под стать великому Чемпиону Мира в среднем весе, очень добра. Обожаю созданный ею шлейф идеального семьянина, счастливого мужа и отца троих детей. Мы в браке уже тринадцать лет. И все эти годы она неумолимо работает над имиджем нашей семьи. Обвожу взглядом комнату: серо-лиловые, будто бархатные, стены в хаотичных разводах,

какие-то странные картины, за которыми Гермиона бегала полгода, фигурки на полках... Это наша третья квартира за все время. И в каждой жена создавала невероятную атмосферу уюта. Ради нас.

Встряхиваю головой и возвращаюсь к подготовке. Встаю перед огромным зеркалом в защитную стойку, наношу хуки справа и слева невидимому противнику, уворачиваясь, словно змея от каждого предполагаемого удара, в ответ. Сегодня будет определенно хороший день. Я одержу победу, а значит, мелкая чертовка Агния подарит мне свою девственность. Только не нужно осуждать. Я — примерный семьянин. В глазах жены и общества. Любые слухи о моих похождениях сразу же пресекаются Гермионой. Любовь это или безграничная уверенность во мне, стыд перед окружающими или просто холодный расчет — не знаю. Но эту женщину я уверен, что люблю. Слишком хороша. Стройная, высокая, с тонкой талией, а я напоминаю, она мне троих детей родила, широкими бедрами, круглыми сиськами и охренительной задницей. У нас две девочки-двойняшки и один мальчик, младший, мой наследник. Только не нужно спрашивать, если у тебя такая офигенная жена, зачем тебе случайные связи на стороне? Ответ вам не понравится. Потому что все эти шлюхи, подстилки на ночь дают мне понять, что я — настоящий мужик, альфа. Я после нескольких часов с какой-нибудь молоденькой крошкой потом всю ночь готов трахать свою извивающуюся подо мной жену. Ещё несколь-

ко тренировочных ударов, пару уворотов. Да, я сегодня точно буду победителем. Пояс чемпиона останется у меня. Поворачиваю голову в сторону окна, где оглушительно громко заиграл саксофон. Джимми проснулся. Хороший знак.

— Рон, милый, кофе и тосты на столе.

Любимая выучила наизусть все мои привычки. Полгода до боя строжайший режим. В еде, отдыхе и физических нагрузках. Но перед выходом на ринг одна

единственная слабость — тосты с сыром и ветчиной в европейском стиле — это обязательный атрибут завтрака чемпиона. Ещё кофе и апельсиновый сок. В последний я бы с радостью добавил кактусовой водки, но это будет вечером, когда я снова всех порву.

Гермиона

Ненавистная стрелка на правом глазу доведет меня до истерики, если в десятый раз снова будет не похожа на левую. Кручусь возле зеркала, чтобы выглядеть на все сто пятьдесят. Мой муж сегодня докажет этому лягушатнику, что пояс чемпиона у него абсолютно заслуженный. Так, где гель? Прядь у уха никак не хочет приклеиваться к остальной массе волос, уложенных в Морсельскую волну [1]. Это раздражает. Я кладу руки на раковину под зеркалом, закрыв глаза. Вдох, медленный выдох. Снова вдох, и так пять раз. Беру тонкую расчёску, немного воды и завожу пряди как необходимо, растягивая гель на нее с других волос.

Все. Теперь идеально. Надеваю черную бархатную повяз-

ку, вышитую обсидиановыми камнями, с огромной перьевой розой сбоку. Она идеально придавливает сверху волосы и ложится сзади на аккуратный пучок. Украшений много не бывает: сегодня моя тонкая шея будет подчёркнута такими же черными камнями в тандеме с настоящим крупным жемчугом, а на запястьях кстати надеты браслеты подобного вида.

Выхожу из ванной комнаты в гостиную в красивом кружевном белье. Соски стоят, выпирая сквозь чёрную полупрозрачную ткань от прохладного сквозняка, пробирающегося из окна гостиной в кухню, трусики доходят до талии, подчеркивая мои упругие ягодицы, над которыми я работаю ежедневно, а пояс, что держит чулки, кокетливо зазывает схватиться и притянуть за него меня к себе. Рон ещё не вышел из спальни. Наверное, как всегда, репетирует свой бой. Пусть готовится, сегодня я буду женой победителя. Дети отправлены к бабушке, а потому спокойно расхаживаю по кухне без платья, делая идеальный завтрак для идеального мужчины. И пусть хоть кто-то посмеет кинуть гадость в его сторону — я лично ему язык вырву и повешу себе вместо кулона. Вам может показаться, что я помешана на всем идеальном? Вам не кажется. С детства была приучена отцом, что я либо делаю все безукоризненно, либо не делаю вовсе ничего. Первая измена мужа дала под дых... Без предупреждения, сильно, ногой в грудь. Когда я пришла домой, поговорить об этом с мамой, пожаловаться ей и спросить совета, подошёл отец и сказал простую вещь:

— Ты вышла замуж. Теперь ты его. У вас есть дом, там и живи. Разводиться вздумаеть — на порог не пущу.

Что ж, хорошо. Его нет в живых уже пять лет, а я так и живу по инерции в образе идеальной счастливой жены. Так и есть, потому что я люблю своих детей, свою семью, и... своего мужа. Да, он не гнушается связями на стороне, но в итоге живёт он со мной, целует по утрам меня. Иногда жалею, что у нас две дочки, когда-нибудь и им придется притворяться симпатичными дурочками, чтобы быть счастливыми.

— Рон, милый, кофе и тосты на столе.

Он спускается по лестнице, сжирая меня взглядом. Уверена, ни на одну свою однодневную шлюху он так не смотрит. Все верно, только я его женщина, а он — мой мужчина.

Рон

Тосты, как всегда, бесподобны. Пока жую, смотрю на неё и думаю, за что мне награда такая от бога. Ведь ни разу не пилила, ни разу слова плохого не сказала. Откусываю огромный кусок и делаю глоток сока, а сверху заливаю кофе. Гермона мимо проходит, виляя своими дурманящими бедрами. Захватываю её рукой за талию, сажаю к себе на колени и утыкаюсь носом в шею. Персиком пахнет. Сладковатый аромат пропитывает насквозь тело и душу, оставляя в них безоговорочно лишь её след. Носом вожу по нежной коже ключиц и потом вверх до подбородка. Обожаю. За столько лет брака ни разу мысли не возникло, что не нужна мне уже, лишь с каждым годом понимаю, что все больше нуждаюсь

в ней. Будто кислород, своим присутствием она заполняет легкие, кровь, сердце, мозги. Та, что всегда будет верной, не предаст, будет ждать дома несмотря ни на что.

Идиллию нарушает мерзкий звонок телефона. Поворачиваю голову в сторону громкого противного звука. На белоснежной подставке стоит черно-золотой нарушитель относительной тишины. Я замер в надежде, что мне это показалось. Но нет, снова аппарат подскакивает на ножках от разрезающего воздух и мое спокойствие звона. Поднимаю Гермionу, не даю ей подойти и взять трубку, делаю это сам:

— Алло?

— Здравствуйте, мистер чемпион! — звонкий заигрывающий голосок доносится с того конца провода. Черт, я же просил не звонить мне домой. — Вы же помните, какая награда вас будет ждать после победы?

— Вас плохо слышно, алло? — глупо пытаюсь сделать вид, что не слышу собеседницу, и захожу за угол кухонной стены, прячась от Гермiony.

Проклинаю себя, что решил завести это чудо технологий. За все годы я столько раз трахал чужих баб, в том числе, у нас дома. Точнее, практически всегда у нас дома. В нашей спальне. На нашей кровати. И ни разу не был пойман. Жена всегда возвращалась после. Моя хорошая. И тут звонок. Какого черта. Нарушает мое размеренное и расписанное четкими временными отрезками утро?

Гермиона

Неужели так сложно не звонить ему домой? У вас столько возможностей встретиться. Когда он в баре, в спортзале, едет на очередное состязание... Зачем звонить ДОМОЙ? Не замечаю, как от нервов до крови раздираю запястье, а вместе с ним и обсидианово-жемчужный браслет. По полу рассыпаются камни, становлюсь на четвереньки, чтобы их собрать, и вижу, как слезы капают на пол. Нет, не сейчас, не могу я рассыпаться подобно украшению по полу у него на глазах за несколько часов перед таким важным боем. Слышу шаги сзади и получаю громкий шлепок по заднице. Он отрезвляет, будто вентель крана, выключает соленые потоки. Выдыхаю и произношу грустным голосом:

— Милый, любимый браслет порвался.

Встаю, отряхивая коленки от несуществующих пылинок. Он, видимо, замечает покрасневшие веки и обеспокоено уточняет:

— Гермiona, ты так расстроилась из-за браслета?

— Конечно. Его ведь из камней сделали, что добывали у меня на Родине...

— Не переживай, попросишь своего амбала, он ещё привезет, и сделаем тебе, что захочешь, — целует меня в губы, а я будто чувствую на них вкус чужой помады.

Не знаю, как это объяснить... но пока я их не вижу и не слышу, мне легко держаться, делать вид, что все идеально. Но сейчас стало мерзко. Резко отстраняюсь:

— Рон, я пошла одеваться, скоро выходить.

— Не так быстро, — словно тигр, крадётся ко мне.

Он хватает меня и сажает на столешницу, пытается взять прямо там, на кухне. И в любой другой день, я бы, возможно, согласилась. Но не сейчас. Спонтанному сексу не суждено было случиться. Звонок на этот чертов телефон прерывает поцелуй. Чтобы не думать о том, кто же это мог быть, иду наверх и выбираю платье. Чёрное с обилием бахромы или молочное такое же? Среди десятков вешалок нахожу то, что ещё ни разу не надевала. То, что заставит жадно смотреть на меня всех мужчин вокруг. То, что заставит понервничать всех спутниц этих самых мужчин. Чёрное с серебряными вставками, полупрозрачными боками и глубоким вырезом на спине. Вышивка камнями придает платью мерцающий блеск, а бахрома в один ряд на подоле вытягивает мои и без того длинные стройные ноги. Секрет в том, что надевать это платье нужно без белья. Кто я такая, чтобы отказать себе в небольшой провокации?

Туфли, клатч, и образ завершен. Вскоре за нами приезжает автомобиль и везёт в самый большой клуб Чикаго. Здесь собираются только сливки нашего общества. Здесь сегодня соберёмся и мы.

Рон

Так, этот сукин сын оказался мощнее, чем я ожидал. Сплюываю в какую-то чашу слюну, смешанную с кровью. Всего два раунда, а я будто десять отстоял. Тренер что-то орет на ухо. Голова будто чугуном налита. Дайте воды. По-

мошник обливает меня с головы до ног, кидает полотенце, обтираю им уже опухшее от нескольких прямых ударов лица.

Снова оглушительные крики тренера, на автомате киваю головой и под гонг иду в бой.

Он был весьма убедителен, но и я не новичок. Уворачиваясь от прямого первого удара, отклоняюсь назад от летящего левого. Защита. Бью левой в корпус. Не моя рабочая рука, но похрен, ему все равно больно. Открывает рукой голову, бью правой. По касательной, но заставляю его отшатнуться. Мысленно подбадриваю себя: «Отлично, Рон, давай, продолжай в том же духе!». Снова тренер орет подсказки, не обращаю внимание, я и без него все знаю. Обскакиваю противника сзади, он поворачивается, закрывая голову блоком, бью в корпус.левой. Правой.

левой. Правой. Слегка сгибается, открывая ухо. Удар. Его откидывает на канаты. Жду несколько секунд. Выравнивается. Вижу, как плывет его лицо, отекая гематомами. Ещё удар, и он уже на четвереньках. Гонг. Хорошо.

Реабилитировался. Теперь сижу в углу уже не так подавленно. Ещё раунд, и он в нокауте. Пару советов тренера, киваю, наливаю в рот воды, полоскаю, выплёвываю. Полотенце. Гонг.

Мы не подходим в центр, прыгая пока по разным углам. Впереди ещё много раундов, но нам это не нужно. Оба хотим победить досрочно, отправив соперника в неглубокий сон.

Рефери нервничает, так долго ждать нельзя, в бой!

Гермиона

Раньше мне тяжело давались просмотры его боёв. Любимый мужчина получает по морде. Ему больно физически, мне — морально. Но рано или поздно ко всему привыкаешь. Теперь я — беспристрастный зритель, что может вместо тренера стоять в углу и кричать Рону, что нужно делать и как уворачиваться. Вижу, сегодня ему тяжело. Недооценил противника. Ну ничего, ещё успеет собраться. Возможно, виной всему этот чертов звонок, что не выходит у меня из головы.

Браслет порвала... Мысленно даю себе пощечину. Собирайся, тряпка. Глазами вожу вокруг, отвлекаясь от ринга. В первых рядах сидит неизвестная мне дама. Невысокая, но крепкая. Болеет явно за моего мужа. Вижу, переживает искренне. Не она ли нарушила наш сегодняшний покой? Наблюдаю за ужасом в ее глазах, вскрик, и она руками прикрывает свое лицо.

В миг перевожу взгляд обратно на ринг. Воздух стал осязаемым, вязким. Перед глазами все происходит, будто в замедленном темпе. Оба мужчины отлетают друг от друга и падают на мат. Рефери считает. Двойной нокаут? Такое вообще возможно? И что тогда будет, у мужа отберут его пояс чемпиона? Не то чтобы мне важно было поддерживать статус жены победителя. Но для него это играет большую роль. Что ж, Рон. Тогда тебе придется подорвать свою чёртову задницу и подняться. Гул толпы оглушает. Я срываюсь с места и кри-

чу имя мужа, поддерживая его, чтобы тот, наконец, встал. Вижу боковым зрением, как за мной наблюдает та девица. Чувствую, не просто так.

Рон открывает глаза и руками отталкивается от пола. Переворачивается на четвереньки. Поворачивает на меня голову, видит запал, растягивает в улыбке окровавленные губы. Он становится сначала на одно колено, после поднимается полностью. Соперник лежит без сознания. Рефери объявляет о победе мужа. Я на правах жены забегаю на ринг и показательно целую его. Потому что могу себе позволить позлить ту, что сегодня попыталась выбить меня из колеи. Рука, сжимающая мою ягодицу, говорит о том, что Рон не против такого перформанса. Мне это нравится.

Рон

Доезжаем мы домой быстро, обливая сидения кабриолета бесконечными запасами шампанского. Я — четырехкратный чемпион мира в своем весе. Ещё раз подтвердить, и побью все рекорды. Гермiona сегодня порадовала. Как болела за меня, как кричала и подбадривала. Вот, что значит — преданность. А как на ринг выбежала. Кошка моя страстная. Как показала всем сучкам в зале, кто моя женщина. Обожаю. Даже не хочется к Агнии ехать. Наверное, в другой раз. Как-нибудь. Выходим из машины, подхватываю любимую на руки и бегу к двери. Она веселится, кричит, чтобы отпустил, но я то знаю, что на самом деле ей хорошо.

Открываем дверь, залетаем в дом.

— Рон, опусти, прошу, — она тянется ногами к полу. Наклоняюсь, чтобы поставить, и чувствую, как земля уходит из-под ног.

Открываю глаза, когда вижу, как надо мной склонились две пары глаз. Зелёные,

необычайно глубокие, заглядывающие прямо в душу, и светло-голубые, осуждающие, укоризненные. Хочу сказать, что все в порядке, но вместо этого получается непонятное мычание. Хочу возмутиться и пошевелиться, но вместо этого не чувствую ничего. Совершенно. Грёбанный вакуум. Единственное, что могу делать — водить зрачками, уверен, полными ужаса, по комнате, и ими же говорить любимой жене, что я не готов становиться инвалидом.

Гермиона

Это было страшно. Я не готова была вот так в один миг остаться без мужа. Напомню, почти идеального мужа. Вода, вылитая на него, не помогла, пощёчины он будто не чувствовал вовсе. Бегу к телефону, что ещё несколько часов назад хотела раздробить о стену, и набираю номер, до боли знакомый. Тот, что связывает меня с детством, юностью, настоящим умиротворением и счастьем.

Тот, что связывает меня с человеком, единственным, пожалуй, который знает, как я живу. Драко. Прекрасный доктор. Француз арабского происхождения с очень необычной внешностью. Два метра отборного сильного альбиносыего мяса. Он ещё выше и шире в плечах, чем Рон. Я считаюсь

высокой, выше среднего, но даже мне он кажется шкафом. Друг детства из деревушки на окраине Каира. Мои родители улетели в Штаты, его — во Францию.

Но это не помешало нам поддерживать связь письмами, посылками, а когда тот переехал в Чикаго — звонками и редкими встречами. Пока он не совершил ошибку... Скажу честно, в детстве мы мечтали пожениться. Но время прошло, а вместе с ним — и желания. Мои, так точно. А вот что касается Драко — сложно сказать. Он внешне кажется бездушной машиной. А я, наверное, слишком эгоистична, чтобы копаться в его мозгах и попытаться выведать правду. Но нужно отдать должное, каждый раз, когда я в моменты слабости роняла слезы на его белый халат, видела, как сжимаются его огромные кулаки. Несколько раз предлагал развестись, уйти от мужа, но я утверждала, что люблю его. А потом, наконец, призналась и себе, и другу, что на самом деле просто трусиха. Я одна с тремя детьми. Родители явно дали понять, что помощи от них не будет. А идти в публичный дом, чтобы прокормить свое чадо, естественно, я бы не рискнула. Так и свыклась. Последние несколько лет мы общались мало. Моя психика уже была не столь твёрдой, и потому переживания выходили на новый уровень, а расстраивать Драко и давать лишний повод ему набить морду профессиональному боксеру — сомнительная перспектива.

Дышу медленно, пытаюсь успокоить выскакивающие сердце из груди, когда слышу тяжёлые шаги сзади.

— Что с ним? — практически безэмоционально произносит мой старый друг.

— Я не знаю, он упал...

— Подробнее, Гермiona, — закуривает, садясь на одно колено, и прощупывает пульс и ещё что-то. — Жив, — со вздохом констатирует. Мне показалось, или он расстроен?

Я кратко описываю, что было сегодня, пока Драко берет его на руки и несёт наверх в спальню. В ту самую, в которой Рон утром смотрелся в зеркало и тренировался. В ту самую, где перетрахал половину Чикаго. Откуда я знаю? Все просто. Каждый раз, когда я приходила домой, а он был не один и из спальни доносились характерные звуки удовлетворения моим мужем своих низменных потребностей, я тихо спускалась и уходила. Возвращалась через несколько

часов. А он встречал меня улыбкой и поцелуями. Будто ничего и не было. Эта пелена, которую я сама выстроила, стала защитной пленкой, сквозь которую мое сознание не видело ничего, чтобы окончательно не рехнуться.

Драко

Ничем не примечательный вечер в кругу алкоголя и наглой рыжей кошки прерван был телефонным звонком. На том конце провода послышался рыдающий голос Гермiony. Опять этот подонок ведёт себя как полный мудака. Видимо сильно довёл, раз уж решила позвонить. Последние такие слёзы были несколько лет назад, когда я не выдержал и сказал, что она либо что-то меняет: уходит от него, сама ищет

себе мужчину на стороне, либо перестаёт мне жаловаться. Да, это было жёстко, вероятно, даже жестоко, но выдерживать ее слезы больше не было возможным. Единственное, чего хотелось каждый раз в такие моменты — это набить Рону морду, но даже этого она бы не дала сделать. Говорит, что любит. Но не хочу в это верить. Она меня любила, и взгляд был совершенно другим. Да, я конченный идиот и, наверное, всю жизнь буду так себя называть.

Смысла нет предаваться мучительным воспоминаниям... Просто все то, что происходит сейчас — вполне закономерное следствие. Я поступил как ублюдок, и теперь Гермиона может мучить меня, сколько ее душе вздумается.

Сквозь громкие и неразборчивые всхлипы проскальзывает неоднократно фраза:

«Срочно приезжай, ты мне нужен, Рон...». Бегу на кухню, хватаю битую, на всякий случай большую аптечку, кидаю в собственный автомобиль и мчусь к Гермионе. Пока ехал, кажется, провернул в голове все возможные сценарии. Он ее ударил, хочет убить, пырнул ножом, выстрелил... Мысленно я его уже похоронил, выкопал, ещё раз избил и выкинул на дорогу бродячим псам. Торможу у их дома, хватаю все необходимое с собой, открываю дверь, и неизведанное тепло распространяется по телу.

Этот хмырь лежит на полу, а она плачет над его телом. Что ж, а вечер набирает обороты. Щупаю пульс, слабый, но есть. Черт, живучая гнида. Расспрашиваю Гермиону обо всем. По-

дробности получается выяснить не сразу. Предварительно делаю выводы, что произошла травма и, возможно, инсульт. Двигать тело нежелательно, но мне абсолютно похер. Беру его на руки и несу в кровать.

Намешиваю адский коктейль, что и мертвого может разбудить, вкалываю в вену. Ждём немного, и вуаля, этот гаде-ныш открыл свои перепуганные глаза. Во мне борются два чувства: жаль, что не умер и хотя так может и лучше, мучайся. Ну что, Гермiona, нам нужно с тобой поговорить.

Гермиона

Паралич? Это Драко так шутит? Издевается, наверное. Какой, к черту, паралич? Мой муж — победитель по жизни, он не станет валяться на кровати остаток жизни. Не знаю, что меня больше повергло в ужас. Его состояние или осознание, что я до конца жизни буду женой инвалида? Не нужно только осуждать.

Сначала поставьте себя на мое место. Обдумайте все, проанализируйте все. Отец был лежачим больным год. Мама ухаживала за ним. Всего год. И за этот, казалось бы, короткий отрезок времени ей прибавилось внешне лет десять... Я отказываюсь в это верить, об этом думать, поднимаю заплаканные глаза на Драко. Смотрю в его небесные очи и молю взглядом успокоить, сказать что-то обнадеживающее, убедить, что все будет хорошо. Но тот лишь подходит вплотную, что руки невольно поднимаются и сжимают ворот его рубашки. Он наклоняет голову вперёд, упираясь своим лбом в мой.

— Гермiona. Шансы малы. Если бы он мог хотя бы головой вертеть, разговаривать, это могло бы значить, что в шейном позвонке защемление... Я бы помог поставить его на ноги. Но он парализован полностью. Это мозг. Он умирает.

— Почему?

— Ты же сама рассказала. Был сильный удар. Инсульт. Сосуды, питающие головной мозг, закупорились, оставив его без кислорода. Это вряд ли я смогу вылечить.

— А кто-то другой? — не унимаюсь, дыша ему прямо в лицо.

— Гермiona... кислородное голодание... мозг умирает... Лучшим вариантом будет поместить его в специализированную больницу. Для таких тяжёлых больных. За ними будут ухаживать...

— Предать? Ты предлагаешь его предать так, как сделал это ты? — тычу пальцем со сломанным красным ногтем в его корпус, в его пустую бессердечную грудь.

— Гермiona, — он открывает рот, чтобы продолжить, но телефонный звонок прерывает разговор.

Подхожу, поднимаю трубку и говорю «Алло». В ответ тишина. Повторяю — снова молчание. Кладу трубку и разрываюсь новыми слезами. А чего я ждала от своей жизни? Что будет легко? Как бы не так. Весь этот бурлеск вокруг начинает раздражать ещё больше. Становится красным флагом для быка. Я хватаю первую попавшуюся чайную пару и бросаю в стену. Со второй поступаю так же. Срываю с шеи и го-

ловы украшения. Рву их. Невозможно больше притворяться, что все хорошо, что я счастлива. По комнате рассыпаются камни и бусины, сорванные с платья. В них я вижу так же стремительно разваливающуюся мою жизнь. Драко молча наблюдает. Снова звонит это чертов телефон. Вытираю лицо ладонями, набираю воздуха полную грудь. Порываюсь снова взять трубку, но Драко обхватывает меня руками, отодвигает в сторону и идет к звонящему аппарату. Разговор выдается максимально коротким:

— Да.

— ...

— Его здесь нет. Больше сюда не звоните.

Драко подходит, вдавливая меня в столешницу, и шепчет, опалая кожу слишком горячим дыханием:

— Гермiona, слов таких не найдется, чтобы передать, как я сожалею. Я никогда не говорил об этом, ведомый твоим желанием делать вид, что ничего не случилось. Но! Больше не хочу молчать, — я отклоняюсь назад от нависшего надо мной мужчины. Бретели платья сползают по плечу вниз, оголяя частично грудь.

Вспоминаю, что без белья, когда уже чувствую влагу на внутренней стороне бедра. Черт...

Драко

Я смотрю в зеленые глаза и не могу насытиться. Я так много потерял, так много пропустил... Фраза, брошенная мной во время нашей ссоры, высечена на сердце рубцами: «я на-

деюсь, ты не станешь позориться и беспокоить моих родителей из-за нашей ссоры?». Но я был слишком упрям и толстолюб, чтобы извиниться, а она — слишком горда, чтобы сделать шаг первой. Я вернулся во Францию, где доучился на хирурга, а она осталась в Чикаго.

— Гермиона, если бы я только знал, знал, что ты беременна, я бы никогда...

— Если бы... Не нужно этого.

Пытается вырваться, но я не дам. Не сегодня. Больше никогда. Каждый раз после ее ссоры с Роном, я просил его бросить, предлагал переехать ко мне... Я знал, что смогу принять ее детей, но не сказал этого. Просто предлагал помощь. Но нет. Упрямица. Невыносимая.

— Почему ты не позвонила? Почему не написала? Почему не сказала? — злюсь, ярость внутри сейчас выйдет наружу необъятным гневом на нас обоих.

У меня мог бы быть двенадцатилетний ребенок, но вместо этого я стою на чужой кухне, зажимаю чужую жену и увести хочу ее, когда подонок-муж почти при смерти.

— Зачем? Чтобы ты сказал, что я все придумала, и попросил перестать унижаться? — она резко поднимается, выплевывая фразу мне в приоткрытый рот. Помнит. Помнит каждое слово, интонацию.

— Гермиона, ты сделала аборт, убила наше дитя! Ты скрыла от меня факт беременности, ты... — хочу продолжить, но получаю пощечину.

— Это не твоё дело. Ты вообще знать об этом не должен был.

Как дать бы. Не должен. Это мог быть мой ребенок. Но что уже вспоминать. Больше десятка лет прошло. Я был неправ. После вернулся, хотел ее забрать, но оказался лишним на празднике жизни. Она уже замужем за перспективным боксером, есть двое детей...

Мы все еще стоим прижатые друг к другу, пальцами нащупываю пуговицы на своей рубашке, но не могу расстегнуть и, отрывая их, освобождаю шею. Взгляд Гермiony буд-то изменился. Прохожусь по телу, черт, она же без белья, точно без него. От таких мыслей я сам не замечаю, как возбуждаться начинаю. На щеках румянец проступил, видимо почувствовала тоже мое напряжение в штанах. Если бы кто-то не постучал в дверь, я бы ее прямо на том столе уложил. Отстраняюсь, уточняя, ждет ли она кого-то. Получив отрицательный кивок, иду к двери.

Открываю дверь, на пороге стоит какая-то мелкая девица и, заглядывая мне за плечо, пытается протиснуться в дом.

— Вам кого, — рывкаю я, понимая ее цель.

— А мистер Брэddок дома? Мне к нему нужно, — выстав-ляю руку, чтобы та не смогла пройти, и понимаю, что моя ладонь размером почти с ее голову. Этот ублюдок уже на де-тей смотрит, что ли?

— Мистер Рон Брэddок здесь больше не появится. И пе-рестала бы таскаться по женатым мужикам, — выталкиваю

ее за порог. Грубо, но мне плевать. Не хочу доводить Гермину еще больше.

— Очередная подстилка? Нужно было впустить. Вдруг отсосала бы так, что он на ноги поднялся бы, — смотрю на безэмоциональное лицо и не узнаю ее.

Где моя жизнерадостная Гермiona, хочется спросить. А после дать самому себе оплеуху своей же битой. Где, где? На углу Стэйт-стрит и Йель-авеню, где ты, идиот, разозлился, что она не хочет ехать с тобой во Францию. Бросил ее и укатил в свое светлое будущее.

Рон

Что, черт возьми, происходит... Я ничего не чувствую. Ни-че-го... Ты слаб и ничтожен, а Он сейчас здесь, с твоей женой. Но она не позволит. Никогда не позволяла приблизиться. Потому что любит меня. А есть ли за что? За то, что я... детей воспитываю от этого идиота. За то, что ни разу, ни слова не сказал Гермione об этом и не сообщил, что знаю её секрет.

Сука, где они? Почему так долго нет? Он на ноги должен меня поставить. Лучший врач Чикаго, мать его.

Опять кто-то звонит... Агния, тупая шлюха, неужели непонятно, что звонить домой женатому мужчине запрещено. Дура безмозглая. Блядь, что там бьётся, почему она кричит и плачет?

— М-м-м... — ни слова не могу произнести...

Почему Гермiona ушла и не возвращается? Не могла же

она меня бросить?

Осознание беспомощности ударило тяжёлой деревянной балкой, не давая надежде пробиться сквозь бетонную стену ненависти, что выросла в миг, стоило мне столкнуться с трудностями. Я слышу всхлипы жены в гробовой тишине после крушения посуды и чего-то ещё. Слух напрягаю на максимум. Дверь в спальню открыта, и я пытаюсь расслышать, что этот ублюдок хочет от моей женщины. Но слышу лишь приглушённое «Драко», «не могу». Что она не может?! Если он пытается мою жену склонить. Нет, не может. Он бросил ее. Бросил беременную... Не позволит Гермiona так с собой поступить.

Лёжа в одиночестве в спальне, где обычно я развлекался, меня накрывает депрессивная волна отчаяния. Знаю, что этот ее друг детства недолюбливает меня. Но кто виноват, что он уехал, бросив свою девушку здесь? Кто виноват, что она, видимо, и не любила его вовсе, раз не смогла простить отъезд, а мне из раза в раз прощала все?

В гостиной зашумела посуда, видимо, делает чай или кофе. Мне, наверное, принести хочет. Главное, чтобы привела нормального врача. Этот недоумок даже не осмотрел меня толком. Ловлю себя на мысли, что впервые испытываю отвратительное чувство — ревность. Гермiona моя, и никто, НИКТО не смеет приближаться к ней. Давай, Рон. Ты, сука, Рон Брэдок, ты и не из таких передрыг выкарабкивался. Ну. Давай. Ты точно встанешь. Просто закрой глаза. Это сон.

Дурацкий сон. Я проснусь, а рядом жена. Дети. Все будет хорошо.

Драко

Я прошу налить мне немного бурбона и сделать кофе, сказав, что поднимусь к Рону и проверю полностью его тело. Сам же просто хочу посмотреть в глаза человеку, что методично убивал искренность и жизнь в Гермионе. Пока иду по лестнице, вспоминаю прошлое. Хотелось бы сказать, что ее выбор избавиться от нашего ребенка я принял с холодной головой, но нет. Я разгромил подпольный клуб и до смерти напугал бутлегеров [2]. Единственное, что мне хотелось сделать — придушить Гермиону собственными руками, а потом возможно и с собой сделать что-то. Доза алкоголя в моем организме, кажется, стала превышать количество собственной крови. И я без памяти просто упал у себя дома.

Проснулся я почти через сутки. Ну или пришел в себя. Навязчивая идея, что Гермиона меня предала набатом выбивала любую адекватную мысль. Не зная, где искать самую невыносимую и пленительную одновременно женщину, пошел к ее родителям. Судя по их лицам, выглядел я не самым лучшим образом. Я узнал, что она замужем, что у нее дети. Две девочки. Ярость с новой силой меня перемалывала, дробя остатки чувств к девушке, словно жернова высокогорный африканский кофе. Я понять не мог. Как Гермиона посмела не просто согласиться с расставанием, не сообщить о своих намерениях, но ещё и посмотреть на другого мужчину, вый-

ти замуж, родить ему детей. Конечно, где живёт моя предательница, мне не сказали. Но мать ее настоятельно просила не трогать настрадавшуюся дочь. Что ж. Недостаточно она страдала. Ещё немножко должна. Не отстану я, пока не поговорю и не заставлю молить о прощении... Найти тогда ещё не самого известного боксера было не так-то просто в большом городе, но мое природное обаяние и двадцать долларов решили вопрос практически мгновенно.

Я надел непримечательный твидовый костюм и кепку восьмиклинку, чтобы затеряться в толпе. Сел на лавку через дорогу от входа в дом и принялся смотреть на свежий выпуск «Чикаго трибьюн», следя на самом деле за прохожими. Ко входу подъезжает автомобиль, а я немного опускаю газету, чтобы глаза могли увидеть все.

Это Гермiona и ее муж. Он первым вышел из авто, волосы были огненного цвета, практически красного, особенно в лучах полуденного солнца. Я готов был сорваться с места, чтобы подбежать и утащить свою первую любовь за угол, где... сам не знаю, что бы сделал с ней. Конечно, не причинил бы физической боли. Как? Морально, не знаю. Вряд ли бы сдержался и не испепелил ее тирадой о том, что она поступила неправильно. По отношению ко всем. Внутренние метания я отодвинул в сторону и встал со скамьи, когда увидел, что она с сидений берет маленького ребенка, рассмотреть лицо девочки не смог, потому что на ней было подобие капюшона, но глаза... глаза Гермiony светились, слов-

но изумруды в солнечных лучах, когда она смотрела на дитя. Улыбка, искренняя и добрая. Всё такая же, как была во время наших с ней отношений. Гермiona передает ребенка отцу, даже сквозь оживленные улицы я слышу его громкий смех. Потом она берет вторую дочку и идёт с остальными к двери. Мне безумно хотелось подойти, посмотреть на детей, хотелось надеяться, что они похожи именно на Гермionу, потому что внешность мужа мне показалась слишком отталкивающей... Я так и остался стоять посреди улицы между снующих туда-сюда людей. Гермiona, будто чувствуя что-то, обернулась. Не знаю, увидела ли, узнала ли, но так быстро я ещё никогда не пытался скрыться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.